

Из сообщения посланника Чехословакии в СССР З. Фирлингера министру иностранных дел Чехословакии К. Крофте о беседах с народным комиссаром иностранных дел СССР М. М. Литвиновым и заместителем народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкиным

Москва

28 мая 1938 г.*

...** Литвинов принял меня очень сердечно и выразил свое удовлетворение решительной и твердой политикой правительства. Он интересовался всеми подробностями, особенно результатами выборов¹. Я сказал ему, что, по моему мнению, во время выборов благоприятное впечатление произвела твердая позиция Советского правительства и его категоричное заявление о намерении выполнить свои союзнические обязательства. Я сказал ему также, что целью моего посещения является узнать кое-что о его беседах в Женеве². Особенно меня интересовало бы, согласованы ли уже между Советским Союзом и Францией определенные конкретные меры и до какой степени рассеялась атмосфера взаимного недоверия между Москвой и Лондоном. Для нас, разумеется, чрезвычайно важно, чтобы не только Франция и Россия, но также Англия и Россия хорошо понимали друг друга. По мнению Литвинова, Англия на сей раз проявила уже больше понимания положения в Чехословакии, что видно по энергичным шагам в Берлине. И это уже имело свои результаты, о чем свидетельствует и тон германской печати.

В Женеве Литвинов имел беседу с Бонне, который спросил его, что предполагает Советский Союз сделать для Чехословакии. Я уже сообщил по телеграфу об информации, данной мне Литвиновым, и тем не менее хочу коротко воспроизвести здесь его сообщение. Я подчеркиваю, что мой отчет не может быть ни исчерпывающим, ни точным воспроизведением нашей длительной беседы, но, я думаю, что смогу, хотя бы в главных чертах, запечатлеть сообщенное мне Литвиновым. У меня сложилось впечатление, что Литвинов своей беседой с Бонне не был на сто процентов удовлетворен, так как из-за нерешительных действий Франции и Англии в других вопросах он не смог полностью избавиться от определенного скептицизма. По-видимому, он внутренне все еще опасается каких-нибудь внутриполитических осложнений во Франции, которые могли бы сорвать или ослабить нынешние хорошие намерения французского правительства. Следовательно, если я говорю, что у Литвинова в результате беседы с Бонне не сложилось достаточно определенного мнения, я хочу тем самым сказать, что здесь хотели бы более определенных и конкретных мер и желают также большего доверия по отношению к Советскому Союзу, о котором нельзя сказать, что он хотел бы напрасно втянуть Чехословакию в какой-либо конфликт.

В этой связи я считаю, что разные теории, распространяемые до сих пор на Западе о так называемой катастрофической политике Советского Союза, являются совершенно неоправданными. Разумеется, здесь также возмущаются, когда официальные заверения советских компетентных деятелей о верности своим союзническим обязательствам постоянно ставятся под сомнение, причем, однако, никто не хочет говорить с Москвой о том, как она должна была бы выполнять эти обя-

* Беседы состоялись соответственно 25 и 28 мая 1938 г.

** Опуцен текст о встречах с дипломатическими представителями других государств.

зательства. Бонне якобы снова спрашивал Литвинова, что предполагает сделать Советский Союз в случае конфликта, в котором очутилась бы Чехословакия. Литвинов повернул вопрос и ответил, что скорее он должен спросить, что предпримет Франция. У Союза имеются только три возможности для вмешательства: через Латвию, через Польшу или через Румынию. Но, как известно Бонне, Союз не имеет на эти государства никакого влияния. Поэтому было бы лучше, если бы Франция занялась этим вопросом и в особенности, если бы она предприняла энергичные шаги в Варшаве, где существует очаг нападения на Советский Союз. Москва также была бы готова к какому-нибудь коллективному шагу. На вопрос Бонне, какие меры может Советский Союз предпринять в военной области, Литвинов ответил, что Союз готов довести дело до логического конца, но что было бы лучше об этом договориться. Бонне сказал, что этот вопрос рассмотрит французский военный атташе в Москве. Литвинов возразил против этого и указал, что подобные вопросы нельзя обсуждать только посредством военного атташе, что об этом должен был бы вести переговоры сам французский генеральный штаб...

В заключении Литвинов спросил Бонне, какие меры приняла бы Франция в том случае, если бы на Чехословакию было совершено нападение. Бонне якобы только ответил, что Франция провела бы мобилизацию. Как мне сказал Литвинов, этот ответ он не находит достаточно удовлетворительным. Провести мобилизацию — это якобы легко сделать, но а что дальше?

В Женеве Литвинов встретился также с Галифаксом, который пожаловался ему на значительное беспокойство, которое причиняют ему Испания и Чехословакия. Литвинов ответил ему, что тяжелую обстановку в Европе вызвала нерешительная политика демократических государств. Несчастье заключается в том, что Англия принимает за чистую монету все, что ей предъявляют с немецкой стороны, в то время как истинные замыслы Германии совершенно иные. Литвинов высказал свои опасения за судьбу Чехословакии, после чего Галифакс спросил, каковы в этом отношении намерения Советского Союза. Литвинов указал на свое недавнее предложение о необходимости обеспечить мир коллективно, хотя бы теми государствами, которые непосредственно заинтересованы в нем³. К сожалению, Литвинов должен констатировать, что на это предложение Англия не дала ответа. Галифакс обратил внимание на свои шаги в Берлине⁴, после чего Литвинов заметил, что в подобном случае одних дружественных советов недостаточно. Необходимо говорить с немцами очень ясным языком. Может быть, следовало бы подумать о совместных дипломатических шагах Англии, Франции и Советского Союза.

Далее Литвинов изложил Галифаксу весьма пессимистически (при воспроизведении этой части беседы он улынулся) дальнейшее возможное развитие в Европе при политике снисхождения по отношению к агрессорам, которая однажды могла бы обернуться против Англии. Франция также в дальнейшем могла бы потерять свое значение как военный фактор, после чего Англия была бы изолирована. Возможно, Советский Союз был бы заинтересован остаться нейтральным, так как Германия вряд ли предпримет войну против Советов, ибо поход на огромную русскую территорию был бы для нее рискованным предприятием. Галифакс ответил, что он обо всем этом подумает...*

* Опуцен текст о встречах с дипломатическими представителями других государств.

Я имел также возможность беседовать в Народном комиссариате и с Потемкиным, которого я информировал о переговорах нашего председателя правительства с Генлейном. Я добавил, что, несмотря на уступки по вопросу о меньшинствах, наша политика остается неизменной. Я дал понять, что имею непосредственно от президента сведения о полном единстве в коалиции. Я был рад сделать это сообщение Потемкину, поскольку Литвинов во время последней беседы сообщил мне о своих опасениях по поводу внутреннего конфликта. Будто бы председатель правительства Годжа склоняется в последнее время к взглядам Берана, о котором известно, что он хочет любой ценой добиться соглашения с Германией и изменения внешней политики. Я еще тогда высказал Литвинову свои сомнения в достоверности этой информации. Я подчеркнул полную лояльность председателя правительства д-ра Годжи по отношению к Советскому Союзу и указал также на то, что сегодня уже никто, даже в аграрной партии, не осмелился бы выступить открыто с подобными взглядами. Таким образом, сообщение господина президента пришлось мне кстати, и мне показалось, что Потемкин был очень удовлетворен моим заверением.

Я дал также понять Потемкину, что у меня есть сообщения о том, что в настоящее время в Париже распространяется настроение в пользу скорого заключения конкретного соглашения о согласованных действиях в случае конфликта и о применении пакта. Я сказал, что это, по-видимому, полностью соответствует намерениям Праги. Собственная инициатива Франции уменьшит остроту враждебной пропаганды против Чехословакии. В Париже начинает брать верх мнение, что франко-советский договор в интересах самой Франции. Потемкин живо согласился со мной и сказал, что наша тактика является правильной. В этой связи он упомянул об отношениях между Парижем и Варшавой и добавил, что у него есть сообщение о том, что Париж, наконец, терпит терпение и даже грозит Варшаве прекращением кредитов. Был якобы даже поставлен вопрос о действии франко-польского договора¹. Интересно, что якобы при своем последнем недавнем посещении Гжибовский констатировал значительное смягчение напряжения по вопросу о Чехословакии. Это якобы является результатом твердой политики Англии. Потемкин заметил, что, разумеется, это также является результатом готовности Чехословакии обороняться. Гжибовский якобы согласился с этим и заметил, что знает Чехословакию со времени своего пребывания в Праге. Он наблюдал всегда значительную сплоченность коалиции, последовательность чехословацкой политики и надежность армии. Единственным препятствием для установления дружеских отношений между Польшей и Чехословакией является обращение с польским меньшинством. Но это можно было бы легко разрешить при доброй воле чехословацкого правительства. Потемкин добавил, что Гжибовский впервые говорил так и что это характерно для обстановки.

Фирлингер

AFMZV, Praha, PZ Moskva, 1938,

č. 65, č. j. 79913/11138.

Подлинник. Перевод с чешского.

¹ Муниципальные выборы состоялись в Чехословакии 22, 29 мая и 12 июня 1938 г. Коммунисты, социал-демократы и национальные социалисты получили большинство во многих районах Чехии и Закарпатья. В Словакии большинство избирателей пошло за глинковцами. В Судетской области партия Генлейна получила около 70% голосов.

² См. док. 292.

³ См. док. 256.

⁴ Имеется в виду демарш английского посла в Германии 13 мая 1938 г. См. док. 283.

⁵ Речь идет о франко-польском союзном договоре 1921 г., в соответствии с которым правительства обеих стран обязывались действовать согласованно во всех вопросах внешней политики, касающихся этих государств. В подписанной 21 февраля 1921 г. секретной военной конвенции Франция и Польша взаимно обязывались оказывать друг другу помощь в случае агрессии со стороны Германии. См. также док. 294.

Из заявления чехословацкой профсоюзной делегации, посетившей СССР в связи с первомайскими торжествами¹

Прага

28 мая 1938 г. *

...** Мы убедились в том, что Красная Армия является наилучшей армией по технической оснащенности. Она полна решимости защищать не только свою социалистическую родину, но и мир, прогресс и будущее социализма во всем мире.

Мы гордимся тем, что эта армия является нашим союзником. Мы горды и счастливы тем, что нам неоднократно была предоставлена возможность убедиться, что за дружественными чехословацко-советскими соглашениями вместе с руководителями Советского правительства и Красной Армии непоколебимо стоит рядом весь советский народ. Мы благодарны М. И. Калинину за его заверение об оказании дружеской помощи в случае нападения на Чехословакию.

Мы желаем своим социалистическим советским друзьям самых больших успехов в их дальнейшей работе. Мы обещаем, что будем и далее повсюду укреплять дружественные чехословацко-советские связи и дадим по рукам всем, кто захотел бы их разорвать. Мы обещаем, что сделаем все необходимое для того, чтобы сплотить всех рабочих и прогрессивные силы у себя в стране и во всем мире с тем, чтобы рабочему классу и всему прогрессивному человечеству во главе с Советским Союзом удалось сохранить мир и культуру и открыть двери в социалистическое завтра.

*«Rudé právo», Praha, 28. května 1938,
č. 125.*

Перевод с чешского.

¹ Чехословацкая профсоюзная делегация во главе с первым секретарем Союза друзей СССР И. Котятко приезжала в СССР по приглашению ВЦСПС. Делегация (35 человек) была организована Союзом друзей СССР совместно с национально-социалистическими и социал-демократическими профсоюзами. Члены делегации посетили Москву, Ленинград, Харьков, Крым и Сочи.

8 мая чехословацкие гости вместе с другими зарубежными делегациями участвовали во встрече с Председателем Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калининым. Выступая перед иностранными делегатами, М. И. Калинин отметил, что в случае необходимости СССР до конца выполнит свои договорные обязательства в отношении Чехословакии и Франции (см.: «Правда», 1938, 28 мая). См. также запись беседы членов чехословацкой делегации с секретарем ВЦСПС Москатовым П. Г. в Ленинграде 22 мая 1938 г. (ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 22, д. 114, лл. 37—40).

Текст этого заявления был опубликован также в газете КПЧ «Карпатски пролетар» (Ужгород), 1938, 1 червня. См. также: «Известия», 1938, 30 мая.

* Дата опубликования.

** Подлинник документа полностью не сохранился. Опуцен текст, в котором редакцией излагаются впечатления делегатов от поездки в СССР.